

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 121–135.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 4. P. 121–135.

Научная статья

УДК 343.261-052-058.57:316.614

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ РЕЦИДИВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Татьяна Викторовна Филоненко

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Владивосток, Россия, tanya.f-vlad@mail.ru

Аннотация: Постпенитенциарный рецидив исследуется автором в двух качествах: как показатель эффективности уголовно-исполнительной системы и как показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы. Автор анализирует постпенитенциарную адаптацию как фактор, определяющий эффективность и уголовного наказания, и исправительных учреждений. Предложена авторская методика изучения постпенитенциарного рецидива, которая позволит оценить эффективность деятельности различных мест лишения свободы с точки зрения реализации уголовного наказания.

Ключевые слова: постпенитенциарный рецидив, постпенитенциарная преступность, постпенитенциарная адаптация, лишение свободы, уголовно-исполнительная система, пробация.

Для цитирования: Филоненко Т. В. Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности деятельности исправительных учреждений и наказания в виде лишения свободы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 121–135. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

Original article

POST-PENITENTIARY RECIDIVISM AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Tatiana V. Filonenko

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, tanya.f-vlad@mail.ru

Abstract. Post-penitentiary recidivism is investigated by the author in two qualities: as an indicator of the effectiveness of the penal system and as an indicator of the effectiveness of criminal punishment in the form of imprisonment. The author analyzes post-penitentiary adaptation as a factor determining the effectiveness of both criminal punishment and correctional institutions. The author's method of studying post-penitentiary recidivism has been proposed, which will allow assessing the effectiveness of the activities of various places of imprisonment in terms of the implementation of criminal punishment.

Keywords: post-penitentiary recidivism, post-penitential criminality, post-penitential adaptation, deprivation of liberty, penal system, probation.

For citation: Filonenko T. V. Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of correctional institutions and punishment in the form of deprivation of liberty // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 121–135. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-4/121-135>

Постановка проблемы

Целями уголовного наказания является исправление осуждённых и предотвращение совершения новых преступлений (ст. 43 Уголовного кодекса РФ – далее УК РФ). Эти цели являются общими для всех видов уголовных наказаний, в том числе и для лишения свободы.

Лишение свободы является самым строгим из видов уголовных наказаний, следовательно, ожидается, что оно должно быть и самым эффективным. В теории права эффективность рассматривается через соотношение заявленной цели и достигнутого результата. Поэтому эффективность лишения свободы как вида наказания будет проявляться, среди прочего, в минимизации количества преступлений, совершённых лицами после освобождения из мест лишения свободы.

Этот тезис подводит нас к проблеме постпенитенциарного рецидива, который следует рассматривать как ключевой показатель эффективности и уголовного наказания, и системы исправительных учреждений, призванных это наказание реализо-

вать. Ведь целями уголовно-исполнительного законодательства, как известно, являются исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ – далее УИК РФ).

При этом оценивать эффективность уголовного наказания вне связи с факторами, определяющими успешную ресоциализацию осуждённых и возвращение их к «нормальной» жизни после отбытия наказания в местах лишения свободы, малопродуктивно. В качестве иллюстрации нашего тезиса можно гипотетически предположить следующую ситуацию: предположим, что все мероприятия по исправлению осуждённых, проводимые в исправительном учреждении, дали положительный эффект в отношении конкретного лица; человек ориентирован на законопослушное поведение, желает вернуться к обычной жизни и никогда больше не совершать преступлений. Однако, выйдя из мест лишения свободы, гражданин сталкивается с огромным количеством трудностей и отсутствием ресурсов для успешной социализации: это отсутствие жилья, средств к существованию, необходимых документов, востребованных профессиональных навыков у лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Отсутствие социальных связей, потерянных за время нахождения в исправительном учреждении, негативное и (или) равнодушное отношение окружающих усугубляет ситуацию и делает преодоление трудностей социально-приемлемыми способами практически невозможным.

В таких условиях ранее судимый гражданин закономерно и достаточно быстро возвращается к привычным способам противоправного поведения, но не потому, что имеет соответствующую мотивацию, а лишь из-за сложностей постпенитенциарной социализации. Получается, что отсутствие работающей системы постпенитенциарной адаптации обнуляет эффект от исправительной и профилактической работы в рамках уголовно-исполнительной системы.

С другой стороны, справедливо и обратное: какой бы эффективной и человекориентированной ни была система ресоциализации осуждённых, созданная в конкретном государстве, она не сможет переселить сформированное под влиянием криминальной субкультуры правосознание и осознанную мотивацию к преступной деятельности как результат непродуктивной организации исправительной системы. Эти две системы – пенитенциарной и постпенитенциарной социализации осуждённых – способны «умножать на ноль» эффективность друг друга.

По данным исследователей, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, испытывают наибольшие сложности в следующих направлениях:

- во-первых, сбор необходимых документов;
- во-вторых, помощь в трудоустройстве;
- в-третьих, обретение места жительства;
- в-четвёртых, восстановление социальных связей [1, с. 105].

Эти сложности можно назвать основными причинами совершения постпенитенциарного рецидива. Ещё одной причиной является низкая эффективность лишения свободы как вида уголовного наказания с точки зрения достижения цели предупреждения повторного совершения преступлений.

Поэтому постпенитенциарный рецидив нельзя рассматривать как абсолютный показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, ведь его практически невозможно учесть «в чистом виде», без учёта влияния сложностей постпенитенциарной адаптации. Постпенитенциарный рецидив может свидетельствовать как об эффективности лишения свободы как вида уголовного наказания, так и об эффективности постпенитенциарной адаптации.

Отсюда следуют два вывода: во-первых, и изучать, и развивать уголовно-исполнительную систему (УИС) и постпенитенциарную ресоциализацию отбывших наказание лиц нужно совместно и в комплексе; во-вторых, любые показатели эффективности УИС и ресоциализации осуждённых всегда будут относительны. Однако последнее не означает, что их не следует изучать и совершенствовать.

Понятие постпенитенциарного рецидива

Постпенитенциарный рецидив преступлений – это разновидность криминологического рецидива, состоящая в совершении лицом, освобождённым из исправительного учреждения, в течение срока судимости всякого нового преступления, независимо от формы его вины [2, с. 105]. При этом под пенитенциарным рецидивом следует понимать совершение нового преступления осуждённым, отбывающим наказание в местах лишения свободы [3].

От постпенитенциарного рецидива следует отличать постпенитенциарную рецидивную преступность. Последняя представляет собой множество преступных деяний, совершённых в течение определённого времени и на определённой территории лицами, освобождёнными из мест лишения свободы в течение сроков, когда их судимость не погашена. Постпенитенциарный рецидив же включает в себя преступления, совершённые одним и тем же освобождённым в разные периоды в течение срока судимости.

При этом криминологи полагают, что в строгом смысле постпенитенциарный рецидив надо ограничивать повторным совершением преступления в течение трёхлетнего срока с момента освобождения из мест лишения свободы – этот отрезок является наиболее референтным в плане влияния отбытого наказания на поведение освобождённого [4, с. 33]. Считается, что если преступление совершено за пределами трёхлетнего срока с момента освобождения, то оно в большей степени обусловлено личными характеристиками человека, а не недостатками и особенностями пенитенциарной системы.

Однако другие исследователи настаивают на том, что понятие постпенитенциарного рецидива стоит ограничить двухлетним сроком с момента освобождения из

мест лишения свободы, так как по статистике подавляющее большинство постпенитенциарных преступлений совершается именно в этот срок. В. В. Городнянская предложила выделить в криминологической науке такую категорию, как особо значимый постпенитенциарный рецидив: это совершение нового преступления (преступлений) лицом, освобождённым из исправительного учреждения в течение двух лет после освобождения [4, с. 34].

Постпенитенциарный рецидив в зеркале статистики

Согласно официальной статистике МВД за 2021 г., больше половины расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, что составляет 60,0% от общего числа расследованных преступлений [5] (п. 19 отчёта). В целом эта цифра составила 618 158 преступлений, из них 346 328 преступлений совершено ранее судимыми лицами (что составляет 33,6 %).

При этом к регионам с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершённых лицами, ранее совершавшими преступления, относятся Республика Хакасия, Амурская область, Тамбовская область, Кемеровская область, Кировская область, Алтайский край, Удмуртская республика, Омская область, Республика Карелия и Забайкальский край (с. 57 отчёта).

Тенденция сохраняется и в 2022 г.: по данным Генеральной прокуратуры РФ за семь месяцев 2022 г., большинство преступников в 2022 г. – это рецидивисты [6].

Цифры говорят сами за себя: рецидивная преступность остаётся самой распространенной и наиболее опасной группой преступлений.

С другой стороны, из анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует, что рецидивистов становится меньше: неснятая и непогашенная судимость есть у 37,6% осуждённых, а по данным за прошлые периоды количество рецидивистов составляло 44 % [7].

При этом очевидны некоторые тенденции. Во-первых, большая часть преступлений, приходящихся на долю лиц, ранее совершавших преступления, не относится к группе тяжких и особо тяжких. По данным МВД РФ, лицами, ранее совершавшими преступления, в 2021 г. совершено 124 775 тяжких и особо тяжких преступлений, что составляет 20,2 % от общего количества преступлений в этой группе [5]. По данным Судебного департамента за 2021 г., большая часть преступлений – 50,9% – приходится на преступления небольшой тяжести, и только 5,4% от общего количества составили приговоры за особо тяжкие преступления [7].

Во-вторых, среди совершённых преступлений лидируют: такой состав преступления, как кража (ст. 158 УК РФ, ч. 2 и ч. 3), и в целом преступления против собственности [8].

Всё это свидетельствует в пользу довода о том, что рецидивная преступность в значительной (и, очевидно, в большей) степени обусловлена имущественным положе-

нием лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также всем комплексом трудностей, с которыми они сталкиваются в период постпенитенциарной адаптации.

Что касается постпенитенциарного рецидива, то отдельной статистики по такому виду преступлений нет. Такое положение дел существенно снижает информативный потенциал, заложенный в явлении постпенитенциарного рецидива. Существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности деятельности УИС и (или) критерий эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы.

Методика изучения постпенитенциарного рецидива

Выше мы пришли к выводу, что постпенитенциарный рецидив не может рассматриваться как абсолютный показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, так как на распространённость постпенитенциарного рецидива существенно влияет система постпенитенциарной адаптации (или её отсутствие).

Тем не менее на данном этапе представляется целесообразным осуществить сравнительное исследование эффективности наказания в виде лишения свободы применительно к виду исправительных учреждений, в которых осуществлялось отбывание наказания в виде лишения свободы.

Такое исследование необходимо проводить в форме сбора и последующего анализа статистических данных. Оптимальный набор статистических данных, достаточный, по нашему мнению, для обоснованных выводов, представлен ниже (табл. 1).

На сегодняшний день подобная статистика отсутствует (во всяком случае, её нет в свободном доступе, а имеющиеся данные основаны на выборках, недостаточных для объективного криминологического исследования). Кроме указанных, статистические данные по постпенитенциарному рецидиву целесообразно дополнить такими критериями, как пол преступников, возраст, а также вид совершённого преступления. Такие выборки позволят осуществить качественное криминологическое исследование и собрать данные, необходимые как для криминологической характеристики личности постпенитенциарного рецидивиста, так и для криминологической характеристики постпенитенциарной рецидивной преступности.

Есть и ещё одно замечание методологического характера, касающееся исследований постпенитенциарного рецидива и анализа организации постпенитенциарной адаптации.

В настоящее время публикуется достаточно много работ, посвящённых исследованию зарубежного опыта организации службы пробации, ресоциализации осуждённых и постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Такие исследования, несомненно, полезны в целях изучения и заимствования опыта ресоциализации осуждённых, показавшего свою эффективность [1; 9; 10; 11; 12].

Таблица 1

Форма статистической отчётности для исследования постпенитенциарного рецидива

Table 1

Form of statistical reporting for studying post-penitentiary recidivism

№ п/п	Вид исправительного учреждения	Количество лиц, освобождённых из мест лишения свободы, за отчётный период (по годам)* <i>*Например, за 2020 г., за 2021 г. и т.д.</i>	Количество лиц, совершивших преступления после освобождения из исправительного учреждения							
			В течение 1-го года после освобождения	В % к графе 2 (за первый год)	В течение 2-го года после освобождения	В % к графе 2 (за второй год)	В течение 3-го года после освобождения	В % к графе 2 (за третий год)	Всего за 3 года после освобождения	В % к графе 2 (за 3 года)
1	Колонии-поселения									
2	Исправительные колонии общего режима									
3	Исправительные колонии строгого режима									
4	Исправительные колонии особого режима									
5	Воспитательные колонии									
6	Женские исправительные колонии									
7	Тюрьмы									

Однако стоит отметить, что многие авторы оценивают эффективность уголовно-исполнительной системы без учёта того, насколько сформирована и развита в отдельном государстве система социальной реабилитации и реинтеграции осуждённых. Сопоставление опыта стран с различной организацией постпенитенциарной адаптации представляется неперспективным, ведь, как мы уже отметили выше, показатель постпенитенциарной рецидивной преступности может объясняться как особенностями организации системы исполнения наказаний, так и особенностями системы постпенитенциарной социализации бывших осуждённых. Например, совершенно неинформативно будет сравнивать опыт государства с развитой службой пробации с опытом государства, в котором такая служба отсутствует или находится в стадии становления.

Представляется целесообразным сопоставлять опыт государств с похожим образом организованными системами исправления осуждённых. Иначе невозможно будет оценить в абсолютном значении эффективность именно такого наказания, как лишение свободы, либо же эффективность системы постпенитенциарной социализации осуждённых.

Факторы, снижающие постпенитенциарную рецидивную преступность

Исследователи выделяют две группы факторов, влияющих на рецидивную преступность: 1) факторы, связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов, снижающие или сводящие на нет результаты воздействия правоохранительной системы на лиц, совершивших преступления, и 2) факторы, влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации [13].

В разделе II Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [14] сформулированы вызовы, стоящие перед современной уголовно-исполнительной системой России. По сути, эти вызовы представляют собой неразрешённые проблемы организации и деятельности уголовно-исполнительной системы, на преодоление которых и направлена названная Концепция. В качестве одного из вызовов документ называет тот факт, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. В Концепции подчёркивается, что на рост рецидивной преступности влияют такие факторы, как потеря социальных связей, отсутствие востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию у лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Основными целями уголовно-исполнительного законодательства являются ресоциализация и социальная адаптация осуждённых (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Однако нынешнее законодательство не предлагает эффективной системы постпенитенциарной адаптации для лиц, освободившихся из исправительных учреждений (далее – ИУ), что позволяет говорить о недостижении или неполном достижении целей уголовно-исполнительного законодательства. Указанную проблему, по мнению экспертов, должно решить введение в России полноценной системы пробации.

Создание и развитие системы пробации отнесено Концепцией к основным направлениям развития современной уголовно-исполнительной системы до 2030 года (раздел IV Концепции). По мнению разработчиков Концепции, создание системы пробации должно к 2030 г. существенно уменьшить количество лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе за счёт сокращения рецидивов преступлений (раздел XVI Концепции).

Профилактика постпенитенциарного рецидива должна являться одной из основных целей системы пробации. Идея о необходимости введения в России системы пробации и принятия соответствующего федерального закона обсуждается в профессиональном сообществе несколько десятилетий. На официальном уровне предложение о создании службы пробации прозвучало в Докладе Уполномоченного по правам человека ещё в 2005 г. В настоящий момент на обсуждение представлено 2 проекта федерального закона о пробации: от имени Министерства юстиции РФ [15] и от имени Правительства РФ [16].

Идея пробации не абсолютна. Содержание и специфика института пробации за рубежом, как подчёркивают исследователи, во многом определяются спецификой менталитета и устройства системы исполнения наказания каждой из стран, использующих этот институт [17, с. 134]. Единственное, что остается неизменным во всех странах, где используются технологии пробации, это её цель – профилактика рецидивной преступности.

Значительный потенциал в плане совершенствования российской исправительной системы имеет опыт зарубежных стран. Однако заимствование такого опыта должно быть обдуманым. С одной стороны, как уже говорилось, целесообразно заимствование лишь опыта стран со схожей структурой организации исправительных систем. В противном случае на практике может оказаться, что эффективность пенитенциарной ресоциализации осуждённых была следствием развитой службы пробации или иных мероприятий по постпенитенциарной адаптации в данном государстве, а вовсе не результатом организации исправления осуждённых в местах лишения свободы.

С другой стороны, нужно изучать как опыт организации отбывания наказания в виде лишения свободы, так и опыт постпенитенциарной социализации лиц, отбывших наказание, ибо указанные группы мероприятий неразрывно связаны между собой. Конечно, для оценки эффективности того или иного опыта необходимо учитывать и различные статистические показатели.

Например, США лидируют по такому показателю, как количество заключённых на 100 тыс. граждан (655 чел.) [10, с. 29]. Эксперты, да и само население, рассматривают исправительную систему США как находящуюся в стадии реформирования. С учётом названных факторов представляется более рациональным обратиться к опыту других стран мира.

Законодательство некоторых стран содержит мероприятия в сфере ресоциализации осуждённых, совершенно незнакомые или малоиспользуемые в российской пра-

вовой системе. В Германии и Нидерландах основным проявлением принципа ресоциализации является поддержание и развитие отношений осуждённых с людьми как в стенах исправительных учреждений, так и за их пределами. Конкретными примерами проявлений названного принципа выступает, например, практика предоставления осуждённым краткосрочных или длительных отпусков на родину для посещения семьи, поиска работы или жилья. Ещё одним примером можно назвать физиологические требования к пенитенциарным учреждениям, закреплённые в законодательстве: умеренная температура, большое количество окон и света, широкие коридоры (что должно облегчить переход в «нормальные» условия при последующей социализации осуждённых) [10, с. 34]. В Шведском Законе о лишении свободы (Act on Imprisonment) 2010 г. также предусмотрено, что в целях снижения риска рецидива, а также в целях содействия реинтеграции осуждённых в общество перед освобождением им может предоставляться возможность находиться вне пределов исправительного учреждения (например, возможность находиться в дневное время вне исправительного учреждения для осуществления трудовой деятельности, прохождения лечения, получения образования, либо же отбытие части срока у себя дома с электронным браслетом под наблюдением Службы тюрем и пробации) [11, с. 33–36].

В сравнении с этим российская пенитенциарная система имеет не реабилитационную, а карательную направленность. Если же статистически оценивать эффективность пенитенциарных систем, то цифры будут в пользу Европы и Скандинавии. Как уже упоминалось, в России более 60 % преступлений совершается лицами, ранее совершавшими преступления. При этом по статистике в Швеции число лиц, совершивших повторные преступления в течение года после освобождения, составляет 25%; число лиц, совершивших повторные преступления в течение двух лет после освобождения, – 34%; число лиц, совершивших повторные преступления в течение трёх лет после освобождения, – 40%. В Норвегии число лиц, совершивших повторные преступления в течение двух лет после освобождения, составляет около 20% бывших заключённых [11].

Многие российские учёные-пенитенциаристы считают, что именно трудовая незанятость большинства осуждённых в местах лишения свободы снижает эффективность социальной и психологической работы с ними, не позволяет им адаптироваться в обществе после отбытия срока наказания [12].

Похожие данные приводят и исследователи рецидивной преступности Кыргызстана. Во-первых, отмечается, что большинство изучаемых рецидивистов (67%) до осуждения нигде не работали и не учились. Во-вторых, указывается, что часто причина нетрудоустройства не зависит от желания лиц, «поскольку даже с одной судимостью человеку, имеющему специальность, весьма трудно устроиться на работу, а о тех, у кого две и более судимости, говорить вообще не приходится» [18].

Поэтому вопросы профобучения и трудоустройства осуждённых и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, являются основными мероприятиями в сфе-

ре подготовки заключённых к освобождению и в сфере ресоциализации осуждённых. Интересно, что одним из основным факторов, объясняющих низкую эффективность пенитенциарной системы США, эксперты называют трудовую незанятость заключённых и невозможность реального трудоустройства после отбытия наказания [12, с. 55].

Выводы

В заключение проведённого исследования представляется возможным сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, реализация целей уголовного наказания, в том числе наказания в виде лишения свободы, возможна только через комплексную организацию системы исправительных учреждений и системы постпенитенциарной социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Во-вторых, одним из наиболее информативных показателей эффективности как УИС, так и уголовного наказания в виде лишения свободы, является постпенитенциарный рецидив. При этом в настоящий период в деятельности правоохранительной системы РФ не используются статистические показатели, позволяющие в полной мере исследовать криминологические характеристики постпенитенциарного рецидива, что, в свою очередь, не позволяет использовать эти данные для совершенствования УИС РФ.

В-третьих, качественная социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, возможна только как продолжение подготовительной работы с осуждёнными в исправительных учреждениях. Наиболее перспективными мерами по повышению эффективности лишения свободы как вида наказания на сегодняшний день представляются следующие:

- повышение правовой грамотности лиц, осуждённых к отбыванию наказания в виде лишения свободы;
- углублённое изучение в рамках ИУ мер по социальной поддержке граждан, разработанных Правительством РФ (с той целью, чтобы освободившиеся из мест лишения свободы граждане могли ими целенаправленно воспользоваться);
- дальнейшее развитие системы профессионального обучения осуждённых;
- расширение перечня программ обучения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (с включением в них наиболее востребованных на рынке труда направлений, в том числе основанных на цифровой грамотности населения);
- расширение перечня гражданских предприятий, на которых могут работать заключённые, отбывающие срок в колониях-поселениях или приговорённые к принудительным работам (для определённых категорий осуждённых, например, осуждённых за преступления в сфере экономической деятельности; за преступления средней и небольшой тяжести);

– принятие на федеральном уровне закона о квотировании рабочих мест для бывших осуждённых (документ должен устанавливать налоговые льготы для работодателей, а также обязательность участия в системе квотирования предприятий, находящихся в государственной собственности).

Именно названные мероприятия, на наш взгляд, в большей степени будут способствовать социализации осуждённых и восстановлению социальных связей в постпенитенциарный период.

Список источников

1. Шамсунов С. Х., Егоров В. А., Корнев А. С., Новиков А. В. Постпенитенциарный период как эффективный механизм в социальной адаптации осуждённых // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 102–110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012.

2. Городнянская В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.

3. Филиппова О. В., Садовникова М. Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 76–80.

4. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 247 с.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. Раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>.

6. Черкесова А. Большую часть преступников в РФ в 2022 году составили рецидивисты // Профиль: еженедельный журнал. 2022. 30 августа. URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymi-prestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bez-postoyannogo-dohoda-1152049/>.

7. В РФ становится меньше рецидивистов // Информационный портал Право.ру. 2022. 19 апреля. URL: <https://pravo.ru/news/240437/>.

8. За что чаще всего отправляли в колонию в первом полугодии 2021-го. Инфографика // Информационный портал Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/235910/>.

9. Чигринец Е. А. Опыт зарубежных стран по ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 108–110.

10. Чигринец Е. А. Положительные и отрицательные примеры действий, оказывающих влияние на ресоциализацию и социальную реабилитацию осуждённых: США, Германия, Нидерланды // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>.

11. Алексеева Е. С. Институт подготовки к освобождению из мест лишения свободы в пенитенциарных системах стран Скандинавии: особенности формирования и современное состояние // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 4. С. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36.

12. Режапова И. М., Заборовская Ю. М. Сравнительно-правовой анализ государственных и муниципальных программ по социальной адаптации лиц, освобождённых из учреждений уголовно-исполнительной системы, в России и США // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58.

13. Хикматзода Дж. У. Криминологическая характеристика рецидива преступления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 3 (31). С. 138–144.

14. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Собрание законодательства Российской Федерации. 17 мая 2021 г. № 20 ст. 3397.

15. О пробации в Российской Федерации: текст законопроекта (представлен Минюстом РФ на общественное обсуждение). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126333>.

16. О пробации в Российской Федерации (в части введения в правовую систему института пробации): законопроект № 232770-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8>.

17. Старинов Г. П., Цевелева И. В. Правовая характеристика института пробации в общей структуре социальной защиты прав осуждённого // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5 (1). С. 131–136.

18. Тугельбаева Б. Г., Тыныбеков Н. Т. Криминологический рецидив: особенности личности преступника // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 15–24. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-2-15-24.

References

1. Shamsunov S. Kh., Egorov V. A., Kornev A. S., Novikov A. V. Postpenitentsiarnyi period kak effektivnyi mekhanizm v sotsial'noi adaptatsii osuzhdennykh [Post-penitentiary period as an effective mechanism in the social adaptation of convicts]. *Vo-prosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2021, vol. 11, no. 6A, pp. 102–110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012. (In Russ.).

2. Gorodnyanskaya V. V. Struktura retsidivnoi prestupnosti (postpenitentsiarnyi retsidiv) [The structure of recidivism (post-penitentiary recidivism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 335, pp. 105–108. (In Russ.).

3. Filippova O. V., Sadovnikova M. N. Penitentsiarnyi retsivid i penitentsiarnaya prestupnost': ponyatie i kriminologicheskaya kharakteristika [Penitentiary recidivism and penitentiary crime: concept and criminological characteristics]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2017, no. 2 (77), pp. 76–80. (In Russ.).

4. Gorodnyanskaya V. V. Postpenitentsiarnyi retsivid [Post-penitentiary recidivism]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Tomsk, 2011. 247 p. (In Russ.).

5. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2021. *Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section «State of Crime»*. URL: <https://mvd.rf/reports/item/28021552/>. (In Russ.).

6. Cherkesova A. Bol'shuyu chast' prestupnikov v RF v 2022 godu sostavili retsividisty [Most of the criminals in the Russian Federation in 2022 were recidivists]. *Profil': ezhenedel'nyi zhurnal*, 2022, August 30. URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymi-prestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bez-postoyannogo-dohoda-1152049/>. (In Russ.).

7. There are fewer repeat offenders in the Russian Federation. *Information portal Pravo.ru*, 2022, April 19. URL: <https://pravo.ru/news/240437/>. (In Russ.).

8. For what they were most often sent to a colony in the first half of 2021. Infographics. *Information portal Pravo.ru*. URL: <https://pravo.ru/news/235910/>. (In Russ.).

9. Chigrinets E. A. Opyt zarubezhnykh stran po resotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Experience of foreign countries on resocialization and social adaptation of convicts to deprivation of liberty]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, no. 7 (175), pp. 108–110. (In Russ.).

10. Chigrinets E. A. Polozhitel'nye i otritsatel'nye primery deistvii, okazyvayushchikh vliyanie na resotsializatsiyu i sotsial'nuyu reabilitatsiyu osuzhdennykh: SShA, Germaniya, Niderlandy [Positive and negative examples of actions influencing the resocialization and social rehabilitation of convicts: the USA, Germany, the Netherlands]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2019, no. 2, pp. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>. (In Russ.).

11. Alekseeva E. S. Institut podgotovki k osvobozhdeniyu iz mest lisheniya svobody v penitentsiarnykh sistemakh stran Skandinavii: osobennosti formirovaniya i sovremennoe sostoyanie [Institute for preparation for release from places of deprivation of liberty in the penitentiary systems of the Scandinavian countries: features of formation and the current state]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2020, no. 4, pp. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36. (In Russ.).

12. Rezhapova I. M., Zaborovskaya Yu. M. Sravnitel'no-pravovoi analiz gosudarstvennykh i munitsipal'nykh programm po sotsial'noi adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, v Rossii i SShA [Comparative legal analysis of state and municipal programs for the social adaptation of persons released from institutions of the penitentiary system in Russia and the USA]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 9, pp. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58. (In Russ.).

13. Hikmatzoda J. U. Kriminologicheskaya kharakteristika retsidiva prestupleniya [Criminological characteristics of the recidivism of the crime]. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhiqistan, 2016, no. 3 (31), pp. 138–144. (In Russ.).

14. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030. *Official Internet portal of legal information*. URL: www.pravo.gov.ru; *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2021, May 17, no. 20, art. 3397. (In Russ.).

15. On probation in the Russian Federation: the text of the bill (submitted by the Ministry of Justice of the Russian Federation for public discussion). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126333>. (In Russ.).

16. Draft Law No. 232770-8 «On Probation in the Russian Federation». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8>. (In Russ.).

17. Starinov G. P., Tseveleva I. V. Pravovaya kharakteristika instituta probatsii v obshchei strukture sotsial'noi zashchity prav osuzhdenного [Legal characteristics of the institution of probation in the general structure of social protection of the rights of the convict]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, no. 5 (1), pp. 131–136. (In Russ.).

18. Tugelbaeva B. G., Tynybekov N. T. Kriminologicheskii retsidiv: osobennosti lichnosti prestupnika [Criminological relapse: personality traits of the offender]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2018, no. 2, pp. 15–24. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-2-15-24. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Филоненко – кандидат юридических наук, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного Юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

T. V. Filonenko – Candidate of Law, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Counselor of Justice, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 22.10.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.